

350032 +

П 4915

ДОЩЬ
ТОРУ

СЕРИЯ
ДЛЯ ГРОМКОЙ
ЧИТКИ

О. Х. Л.

В. Павловой

ЗНАМЯ ПОЛКА

О Г Н З
САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1943

Товарищ!

Прочитай эту книжку вслух у себя на заводе или в колхозе, госпитале, школе, домохозяйкам.

После читки проведи беседу о патриотизме и мужестве советских людей.

ЗНАМЯ ПОЛКА

Вот оно, это старое, тяжёлого шёлка знамя, боевая святыня танкового полка, за которое ровно два года непрерывно шла глухая, жестокая и героическая борьба. В ней участвовали десятки людей, немало пролилось крови, многие отдали свою жизнь, и всё же основными героями этой борьбы остались пожилая колхозница с усталым, изборождённым скорбными морщинами суровым и умным лицом—Ульяна Михайловна Белогруд и её дочь Марийка—17-летняя украинская красавица, лицом и всем обликом своим напоминающая обаятельные портреты кисти юного Тараса Шевченко.

Борьба за знамя началась в сентябре 1941 года здесь, в неоглядных полях Полтавщины, изрезанных крутыми петлями неторопливой и полноводной реки Псел. Немецкие бронированные орды генерала Клейста, форсировав Днепр, рвались тогда к Харькову, а остатки танкового полка, давно уже отрезанные от своих частей, продолжали борьбу, устраивали засады на дорогах и, нападая на немецкие танковые колонны, пытались сдержать и затормозить вражеские войска. Давно кончился бензин. Танкисты заправляли свои машины на брошенных базах МТС, собирали боеприпасы на подбитых танках и продолжали воевать. В этих неравных боях полк таял. Наконец, 25 сентября в бою у Оржицы сгорели последние две машины. Из полка осталось 8 человек — старший лейтенант Василий Шамриха, политрук Степан Шاپоваленко, лейтенант Леонид Якута, старшина Гри-

горий Лысенко, рядовые Никита Яковлев, Лев Насонов, Николай Ожерелов и Александр Савельев. Это были танкисты без танков. Но они не думали сдаваться. Ночью в болоте у Оржицы в шелестящих зарослях камыша лейтенант Шамриха сделал привал. Он достал из-за пазухи бережно завернутое в рубашку полковое знамя, развернул его при свете луны, прижал к сердцу скользящий шёлк и сказал торжественно и решительно:

— Пока мы, 8 человек, держим оружие, пока у нас это знамя, полк наш не побеждён, он существует и воюет. Поклянёмся, товарищи, перед этим вот знаменем, что оружие не сложим и, пока живы, не бросим воевать.

И первым встав на колени, он поцеловал угол шёлкового полотнища. За ним молча проделали то же его товарищи. Потом знамя Шамриха зашил в подкладку своей ватной куртки.

Спешенные танкисты начали партизанскую войну. Может быть, после войны кто-нибудь из оставшихся в живых участников этой партизанской группы на досуге подсчитает, сколько было сожжено ими в эту осень немецких машин, сколько перехвачено транспортов, сколько во время засад перебито в степи немцев. Тогда им было не до подсчётов. Они действовали. Они воевали, и лучшей оценкой их деятельности были расклеенные немцами по Велико-Крынковскому, Кобелякскому и Решетилковскому районам Полтавщины объявления о появлении в этих местах полка партизан в танкистских шлемах. Немцам предписывалась крайняя осторожность при передвижении по степи. Селянам сулились богатые премии и всяческие блага, если они помогут напасть на след полка или приведут хотя бы одного партизана в комендатуру. Начались по этим районам массовые облавы, слежки, аресты. Эскадроны эсэсовских драгун шныряли по степи. И хотя степи в этих местах голые, гладкие, как колени, и зимой на снегу

можно заметить в них человека за несколько километров, партизаны из группы Шамрихи были неуловимы.

Теперь, когда почти вся левобережная Украина освобождена, можно выдать секрет их неуловимости. В окрестных деревнях танкисты завели себе крепких друзей, и когда эсэсовский отряд и гестаповцы окружали деревню, они и не думали бежать, а оставались там, где были, у своих друзей, и занимались слесарным делом, чеботарством или другой какой-нибудь мирной профессией.

Знамя хранили, как зеницу ока. Но однажды танкисты допустили оплошность. Они рассказали кое-кому из селян, что у них хранится знамя танкового полка. Каким-то путём эта весть доползла до немцев. Немцы удвоили, утроили поиски. Ведь за захваченное знамя у них полагался рыцарский крест, чин офицера и месячный отпуск на родину.

После долгих поисков немецкие ищейки попали на след. Ночью они выследили и окружили Шамриху. Вместе с ним были арестованы Шаповаленко, Якута, Лысенко. Зимой на улице их раздели донага. Всю одежду вспороли и изрезали на клочки. Потом их начали пытать: на морозе постепенно обливали холодной водой и спрашивали:

— Где знамя? — Танкисты заживо превращались в ледяные статуи. Они замерзали и, замерзая, молчали. А знамя между тем находилось в подкладке тужурки бойца Ожерелева. Вместе с Насоновым и Яковлевым он сидел в избе своего верного друга крестьянина села Попивки Павла Трофимовича Белогруд и обсуждал, как в новой, усложнившейся обстановке, когда каждому из них ежеминутно грозит арест, сберечь полковую святыню.

Решено было, что три бойца пойдут партизанить в дальние районы, а знамя оставят на сохранение Павлу Трофимовичу. Вечером Павел Трофимович собрал семью. Закрыли дверь на крючок, на засов, на

щеколду. Знамя он развернул и показал семейным. Потом велел жене и дочери Марийке аккуратно сложить его, зашить в сатиновую наволочку. Сам он обстрогал фанерку, положил на неё свёрток со знаменем и приколотил фанерку снизу к тыльной части сидения широкой дубовой скамьи в красном углу хаты.

— В случае, что со мной случится, любой из вас, кто жив останется, храните знамя это свято и нерушимо до самого до прихода наших частей. И когда части наши придут в родную Попивку, передайте то знамя самому главному из военных. Если же кого из вас о знамени пытать будут—дайте язык вырвать, очи выколоть, душу вынуть, но ничего про него не говорите.

Старому Павлу Трофимовичу первому в семье пришлось выполнить этот свой наказ. Умерли в тяжёлых муках, ни слова не сказав немцам о знамени, лейтенант Василий Шамриха и его товарищи. Но немцы дознались стороной, что Шамриха бывал в Попивке у Белогрудов и у других крестьян. Вскоро гестаповцы схватили Павла Трофимовича, брата его Андрея Трофимовича и еще одиннадцать попивских граждан и отвезли их в Великокрынковскую тюрьму. Когда в хате старому Белогруду вязали на спине руки, он успел шепнуть Ульяне Михайловне:

— Что бы ни случилось, о том ни гу-гу. Берегите то пуще глаза.

Арестованных крестьян в застенке ждала еще более страшная пытка, чем их предшественников. Стремясь во что бы то ни стало узнать, где спрятано неуловимое знамя, гестаповцы превосходили сами себя. Они жгли их тела паяльными лампами, пробивали гвоздями кисти рук и ног, напоследок обрезали им уши, носы, выкололи глаза. Слепленный, окровавленный, еле живой Белогруд на вопрос: «где знамя?» — хрипел:

— Не бачу... Не бачу, бѣсовы сыны... Не бачу, чтоб вы пропали.

С тем и умерли пожилой, беспартийный украинский крестьянин Павел Белогруд и его односельчане, не выдав своей тайны, и тайна эта всей тяжестью легла на плечи жены Белогруда. Трудно сказать, почему, но немцы почему-то думали, что знамя спрятано у Белогруда, и всеми мерами старались выведать тайну. Ульяне Михайловне предлагали награды, сулили богатые подарки, если она скажет, где спрятан оставленный партизанами свѣрток. Ей грозили пожаром, расстрелом, пытками. Подобно мужу, она упрямо отвечала: «Не бачила». А по ночам, когда в хате стихало, она сползала с печи босиком, кралась в передний угол и щупала руками, тут ли оно, это знамя, принесшее в её семью столько почѣта и горести.

Тогда немцы попытались сыграть на материнских чувствах старой колхозницы. Они схватили трёх её детей: дочь Любу, сыновей Петра и Ивана для отправки в Германию. Плачущей матери прямо сказали:

— Выдавай то, что оставили партизаны, детей оставим и бумажку такую дадим, что никогда их больше никуда не мобилизуют.

Всю ночь и ещё день, и ещё ночь проплакали, сидя обнявшись, Ульяна Михайловна и Марийка. Жаль было отпускать в проклятую неметчину Любу. Ещё жальче прощаться с двумя сынами, как две капли воды похожими на Павла Трофимовича. Моментами мать колебалась. То и дело вставала она, шатающейся походкой подходила к красному углу и щупала: тут оно? Убеждалась, что тут, и опять садилась к дочери, плакала и думала, как быть. Когда настало утро и переводчик опять спросил ее, отдаст ли она партизанский свѣрток, она поднялась бледная, еле держащаяся на ногах, подняла на него исплаканные, ненавидящие глаза и ответила:

— Нема у меня никакого свёртка. Не бачила я никаких партизан.

Так свято хранили мать и дочь год семь месяцев полковое знамя, уверенные, что пройдут лихие времена, сбудутся слова покойного Павла Белогруда, настанет счастливый день и по зелёной улице родной Попивки пойдут свои, которым она отдаст с таким трудом сохранённое знамя.

День этот стал приближаться. По большаку к Днепру потянулись немецкие обозы. Усталые, небритые и злые немцы дрючками погоняли истощённых волов и кляч. Гремели пыльные машины, груженые зерном, железом, машинами и всяческим барахлом. Ульяна Михайловна поняла: немцы драпают. Но тут её ждало ещё одно испытание. Обгоняя немцев, по Полтавщине ползли страшные слухи о том, что, отступая, немцы особенно люют, всё жгут, угоняют и скот, и людей. Зарева пожаров по ночам вставали над степью. Ульяна Михайловна думала: а знамя? Оно может сгореть вместе с хатой. Посоветовалась с дочкой и решила: знамя всё время нужно держать при себе. Вынули его из заветного угла, куда спрятал его ещё покойный Павел Трофимович, вспороли наволочку, завернули в чистую холстину и этой холстиной Ульяна Михайловна обмотала себя. Так и ходила день и ночь, не расставаясь с ним ни на минуту.

Фронт был уже близко. Немцы, квартировавшие в Попивке, ночью сорвались и начали жечь деревню. Уже под утро к хате Белогрудов на мотоцикле подъехал местный комендант, подошёл к Ульяне Михайловне:

— Последний раз говорю: отдай нам тот свёрток — хату оставим, корову оставим, хлеб оставим, отдай.

— Не розумию я, що вы такое балакаете, — устало сказала женщина, с грустью глядя, как солдаты обливают керосином её просторную, крепкую, построенную на века хату, как поднимаются языки

огня» по камышовой крыше, как лижет огонь разные голубые наличники, которые за год перед войной с такой любовью вырезали её муж с сыновьями.

И грянула женщина на сухую землю и залилась она горькими слезами у пылающего своего пепелища на холме, над Псёлом, посреди объятной пламенем деревни...

— Мамо! Мамо! Наши... Наши же. Через Псёл решили, — толкала её Марийка. И только тут она пришла в себя и вдруг почувствовала — живо ощутила на себе обёрнутое вокруг тела знамя. Она встала, развернула знамя. Мать и дочь растянули его руками и пошли с ним через пылающую деревню к реке, с которой подымались по большаку наши передовые роты...

Здесь стоит сказать пару слов о том, что бойцы Насонов, Ожерелев, Яковлев долго и успешно партизанили на Полтавщина, сколотили отряд и с ним вместе богатыми трофеями встретили наступление наших частей. Они нашли большого командира, вместе с ним приехали в знакомую Попивку, взяли знамя у Ульяны Михайловны и с соответствующими воинскими почестями отвезли в часть.

...И вот лежит оно перед нами, боевое знамя танкового полка, пронесённое советскими людьми сквозь два года страшных бед, сохранённое от грязных лап врага их беззаветным героизмом. Отдадим этому знамени воинскую почесть и почестью этой почтим героев, которые сберегли боевую святыню.

Полтавщина, 13 октября.

На обложке помещен рисунок с фотоизображением колхозницы Ульяны Михайловны Белогруд, опубликованного в «Красной Звезде» 14/X 1943 г.

Отв. за выпуск Н. Богданова.

Корректор В. Гржевальская.

ИГ25150

Тираж 50.000. Цена 5 коп. Заказ № 5244.

Печ. л. 1/4. Уч. изд. л. 0,4 Саратов. Типография газеты «Коммунист».

35032

МАУЧНИК
* Б А * О Т Е К А